

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СМЕРТИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ МАРКСИСТСКОГО ТИПА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КУЛЬТУР)

В статье рассматриваются изменения представлений о смерти в традиционных культурах с превращением их в революционные культуры. Выдвигается предположение о том, что применительно к двадцатому веку данные изменения связаны с философией марксизма. Смерть начинает пониматься как предпосылка социальных изменений и связывается с такими концептами, как «радость», «молодость». Указанные изменения характерны для всех революционных культур, прежде всего для революционных культур России и Латинской Америки.

Ключевые слова: смерть, концепт, марксизм, революция, культура, изменение.

В данной статье мы коснемся интерпретации концепта «смерть», появляющегося в революционной культуре России и стран Латинской Америки на протяжении двадцатого века.

Данную тему мы считаем актуальной для научного рассмотрения ввиду того, что трактовка «смерти» как явления реальности и как символа, маркирующего определенные сегменты реальности, а равно и восприятие «смерти» деятелями революционной культуры и рядовыми участниками революционных событий специфичны относительно традиционной трактовки концепта «смерть» в национальных культурах.

Национальными культурами, в которых революционная концептосфера получила наибольшую представленность, на наш взгляд, являются российская и латиноамериканская культуры.

В современной традиции гуманитарной мысли распространено представление о том, что концепт «смерть», иначе говоря, вся сумма представлений о смерти, во-первых, всегда привязывается носителями культуры к концепту «жизнь», а во-вторых, длительное время остается неизменным в рамках определенной национальной культуры. Об этом, в частности, говорит О.А. Ипанова, один из авторов вышедшей недавно «Антологии концептов»: «Концепт “жизнь” наряду с концептом “смерть” занимает центральное место среди лингвокультурных концептов в связи с тем, что содержащиеся в нем наивные представления являются экзистенциально значимыми как для конкретного человека, так и для всей нации в целом» [1, с. 358]. Ряд исследователей высказывают мнение, что восприятие смерти, обычное для той или иной культуры, находится в зависимости от социальных и бытовых особенностей существования рассматриваемой национальной общности [2, с. 15–18; 5].

В качестве примера, имеющего отношение к предмету рассмотрения, считаем возможным привести трактовку концепта «смерть» в словаре Караулова – Пьюг. Авторы

* © Степанов М.С., 2010

Степанов Максим Сергеевич (step83@gambler.ru), кафедра романской филологии Российского государственного гуманитарного университета, 125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Миусская площадь, 6.

исходят из относительной устойчивости языковых ассоциаций концепта «смерть» во времени, характерной для испанской и русской лингвокультур. В этой связи делается ряд выводов относительно того, что такое смерть с точки зрения культуры, как она понимается в той или другой культурной общности и каким образом такое, а не иное восприятие смерти определяет не только языковые, но и иные особенности существования определенной общности [7, с. 126–127]. Схожие взгляды на проблемы концептосферы смерти встречаем в коллективной работе под редакцией Ю.В. Хен. Смерть и ее восприятие воспринимаются авторами исключительно как явление, имеющее отношение к национальной культуре и национальному самосознанию [9].

При бесспорности ряда утверждений культурологов и филологов, занимавшихся исследованием концепта «смерть», указанный концепт, о котором сказано уже довольно много в ряде специальных исследований, тем не менее не всегда является таким неизменным и детерминированным общей культурной и социальной практикой, каким его видят и интерпретируют исследователи.

Периодически в истории культуры возникают явления, которые условно можно назвать по аналогии с явлениями в других областях – межкультурными интерференциями. На протяжении всей истории национальной культуры, насчитывающей обычно столетия и тысячелетия, они занимают незначительно место. Зачастую культура испытывает интерференцию на протяжении жизни одного поколения.

В том случае, если анализ концептосферы национальной культуры, испытывающей данную интерференцию на протяжении незначительного времени, проводится некоторое время спустя, концепты рассматриваемого периода включаются в общую парадигму культурного развития данной культурной общности. Сама интерференция оказывается незаметной, и ее чуждые данной национальной общности особенности стираются, оказываясь интерпретируемыми, исходя из культурных особенностей предшествующих или последующих периодов развития национальной культуры.

В качестве уточнения мы считаем необходимым отметить, что само понимание той или иной культуры как национальной, в свою очередь, возникает очень поздно, фактически в девятнадцатом веке. С самого начала указанного периода самосознания и самоопределения наций связь культуры с национальной идеей, с представлениями о национальном характере или предназначении редко исследовалась научно и практически не рассматривалась философски.

Связь «национального» и «культурного», фиксируемая в таких терминах, как «национальная культура», «концептосфера национального языка», признается аподиктически. Важно помнить об этом ввиду того, что, рассматривая историю национальной культуры, исследователи могут порой вменить ей несвойственные концепты, сделать их национальными и культурными. Тем более происходит это в связи с упомянутыми выше ситуациями межкультурной интерференции.

Концепт «смерть», появляющийся в революционной культуре в двадцатом веке, оказывается в ряду таких концептов. И современники русской революции, например Н.А. Бердяев [3], и современники кубинской революции (здесь уместно привести в качестве примера размышления самого Эрнесто Че Гевары [11]) при всем понимании интернационального характера революционной деятельности интерпретировали саму революцию и ее концептосферу с точки зрения систем координат национальной культуры.

Вспомним выражения Н.А. Бердяева из работы «Истоки и дух русского коммунизма»: «Революция была выражением русского национального духа», «Ленин был типически русский человек... В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа» [3, с. 94]. Н.А. Бердяев всячески пытался доказать, что коммунизм как идеология революции, произошедшей в Рос-

сии, является русским, а не германским, или, говоря шире, европейским явлением. Для Н.А. Бердяева исконно национальным явлением оказывается вся русская революция [3, с. 117–119]. Сознание Н.А. Бердяева целиком находилось в системе координат национальной детерминированности исторических событий. Интересным кажется сравнить данную позицию с современной картиной истории, представляемой рядом ученых постсоветских государств, в частности, полемическую позицию украинских историков, которые, по словам П.П. Толочко, искажают историю, «превращая украинский народ в жертву, лишая его права быть субъектом истории [8]. Позиция меняется, а принцип национальной детерминированности, «национальной судьбы», определяющей историю, остается.

Соответственно упомянутой позиции Бердяева и смерть, и отношение к ней также интерпретировались для русской революции в контексте бытовавших в гуманитарном знании того времени представлений о фатализме русских людей, их связи с традицией всей предшествовавшей русской культуры. Вспомним произведение А. Блока «Двенадцать». Автор связывает революцию с русской традицией и формально, и содержательно. Об этой же связи происходящего с историей и культурой России — более раннее стихотворение А.А. Ахматовой «Когда в тоске самоубийства».

Менее известным является стихотворение Н.А. Клюева того же периода, в котором видятся схожие мотивы:

*Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в поморских ответах.*

Представляется, что современникам (и творцам, и невольным участникам революций) происходившие события казались национальными явлениями. Тем не менее и русская революция, и другие коммунистические революции двадцатого века решительно порывали с национальной культурой. Данное движение достигало своего высшей выражения в идее китайской культурной революции. Революция полностью уничтожает и культуру и затем организует ее по-новому. Следовательно, позиция национально-культурного детерминизма в рассмотрении революции несостоятельна и обречена на неудачу. Не культура породила революционную символику, а сама революция включала в свою культурную практику традиционные культурные формы и подчиняла их логике своих идей. Интересной является специфика не только используемых революционными авторами форм словесности, но и других форм искусства. Так, например, в Советской России параллельно с радикальными поисками в области новой художественной формы изобразительного искусства существовали попытки адаптации всей предшествовавшей русской культуры и ее включение в революцию. Достаточным нам кажется здесь упомянуть картины К.С. Петрова-Водкина, как напрямую отсылающие к предшествующей культуре («1918 год в Петрограде»), так и косвенно. В частности, «Портрет В.И. Ленина», на котором В.И. Ленин изображен с «Сочинениями Пушкина».

Революция породила радикальную трансформацию отношения к традиционным символам культуры и, прежде всего, к имеющим наиболее значение для любого сознания бинарным оппозициям: «жизнь-смерть», «мужчина-женщина», «свое-чужое».

В настоящее время представляется невозможным проследить, каким образом в динамике изменялись традиционные представления в сознании простых граждан, оказавшихся вовлеченными в революцию. Однако возможно очертить ассоциативные рамки, которые определяли представление о смерти революционного периода. Среди

прочих концептов национальных культур, изменявшихся в контексте культуры революции, наибольшее значение имеет трансформация представлений о смерти.

На наш взгляд, представление о смерти, возникающее в ходе революции у самих революционеров и опосредованно через художественное творчество революционеров, во всей культуре во многом связано со спецификой трактовки смерти в ситуации быстро происходящих перемен.

Совокупность представлений о смерти, возникающих в период революций двадцатого века, мы можем назвать *революционным концептом смерти*, или концептом «смерть» в революционных культурах.

Революция почти всегда оказывается связанной с резким изменением ситуации в обществе. В этой связи смерть, если понимать ее широко – не только как гибель человека, но и как уничтожение как таковое, как действие, происходящее к исчезновению, бесповоротному переходу из одного состояния в другое, не может восприниматься в контексте революции отрицательно. Не случайны такие революционные лозунги, как «За гибель старого мира», и пр. Само возникновение революции возможно только как решительное отрицание всего прежнего не только в сфере политики и экономики, но и в сфере культуры, и в сфере самой жизни.

«Смерть» для революции становится, таким образом, символом происходящих перемен, которые видятся возможными только в контексте уничтожения, гибели, смерти. Уже одно это обстоятельство заставляет понимать концепт «смерть» в революционной культуре иначе, чем он понимается применительно к национальной культуре, в которой происходит революция.

Никогда прежде разрушение не соединялось на теоретическом уровне с созиданием как его необходимая предпосылка. Дополнительные аспекты в оценке символики смерти, гибели возникают в двадцатом веке в связи с марксистским пониманием истории. Диалектика жизни подразумевает противопоставление в виде смерти. Жизнь в соответствии с диалектическим пониманием исторического процесса становится возможной только в связке со смертью.

Мысль о творческом взаимодействии и взаимопереходности жизни и смерти сама по себе не нова для мировой культуры, тем не менее в марксистском мировидении и мироощущении смерть обожествляется, приобретает некую самодвижущуюся творческую силу преобразования мира. Не случайно А.К. Горский и Н.А. Сетницкий, современники революции, вводят в своей «метафизической» работе 1925 года специальный термин «смертобожество» для обозначения происходящего в мире и так работу и называют [4].

Важным в марксистском понимании «смерти», «гибели» как предпосылке создания нового мира является то, что, например, в отличие от философов-экзистенциалистов двадцатого века М. Хайдеггера или Ж.-П. Сартра, признающих важность философского осмысления проблемы смерти, однако понимающих оппозицию «жизнь-смерть» метафизически, теоретики и практики марксизма видели «жизнь» и «смерть» предельно конкретно, через призму социальноориентированного исторического материализма. Человек сам становился творцом «смерти» осуществляемой ради жизни. Об этом недвусмысленно говорят К. Маркс и Ф. Энгельс еще в 1848 году в «Манифесте Коммунистической партии»: «Коммунисты... открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей, приобретут же они весь мир» [6, с. 138]. Подобные суждения могли породить и породили представления о смерти «старого» как предпосылке жизни «нового» и сделали возможным сознание, при котором разрушение имело смысл только в том случае, если

оно вело к созиданию, но и созидание было возможным только как следствие разрушения.

Нигде указанное отношение к смерти как к необходимости и в то же время благу не находило столь яркого выражения, как в революционной поэзии марксизма.

Уместно сравнить в качестве примера стихи двух великих поэтов Э. Багрицкого и Р. Дальтона – революционеров-марксистов России и Латинской Америки двадцатого века. И в первом, и во втором случае мы обращаем внимание на то, что в поэтическом дискурсе, несмотря на существенное различие национальных культур, «от лица» которых пишут поэты, как ни в каком другом возникает осмысление смерти близкое указанному нами пониманию смерти в аспекте революционного дискурса.

Стихотворения Э.Г. Багрицкого «ТВС», «Смерть пионерки», «Февраль», а равно и такие стихи Роке Дальтона, как «Насилие здесь» – “La violencia aquí», «Время пепла» – “Hora de la ceniza”, «Плохая новость, прочитанная на обрывке газеты» – «Mala noticia en un pedazo de periódico», являются примером того, каким образом смерть становится не только точкой отсчета, но и предпосылкой создания нового «завтрашнего дня».

В силу вышесказанного в революционной поэзии двадцатого века возникает специфическая связка концепта «смерть» с концептами «молодость», «радость», «победа», и почти всегда – «изменение, перемена». Широко известны строки Э.Г. Багрицкого:

*Возникай содружество ворона с бойцом,
Укрепляйся мужество кровью и свинцом,
Чтоб земля суровая кровью истекла,
Чтобы юность новая из костей взошла.*

Если бы можно было представить семантическое поле концепта «смерть» в культуре революции, нам представляется, что по частотности словоупотребления в связке с концептом «смерть» одно из первых мест должны были бы занять такие понятия, как «молодость», «труд», «работа», «долг», «радость», «новизна». Именно к такому выводу подталкивает знакомство со стихами поэтов-марксистов. Помимо Э.Г. Багрицкого и Р. Дальтона представляется необходимым упомянуть применительно к России таких авторов, как М.А. Светлов, А.А. Прокофьев, Н.Н. Асеев и др. Применительно к латиноамериканской поэзии следует, на наш взгляд, упомянуть поэтов Эрнесто Карденала и Отто Рене Кастильо [10, с. 159–160]. Разумеется, речь идет только о достаточно известных поэтах. На уровне графоманской поэзии и профессиональной поэзии более низкого уровня те же мотивы восприятия смерти повторялись не менее часто. Тем более встречается указанная позиция в публицистике, а также в политическом дискурсе.

Библиографический список

1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 528 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
4. Горский А.К., Сетницкий Н.А. Смертбожество. М.: Путь, 1992. 295 с.
5. Демичев А.В. Дискурсы смерти: введение в философскую танатологию. СПб: Инапресс, 1997. 144 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1983. Т. 1. 635 с.

7. Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М.: Азбуковник; Мадрид, 2001. 496 с.
8. Толочко П.П. Выступление на конференции «Русская история в школьных учебниках. Опыт преподавания истории в странах СНГ и Балтии», 28.03.2010. URL: <http://ua.rian.ru/politics/20100326/78344933.html>.
9. Хен Ю.В. Идея смерти в российском менталитете. СПб.: РХГИ, 1999. 304 с.
10. Ayala E. G. Aristas de la poesna revolucionaria en Centroamйrica: el cristianismo, la muerte y la naciyn en las obras de Cardenal, Daltyn y Castillo // Intercambio, 2008. Aco 5. № 6.
11. Guevara E. Pasajes de la Guerra Revolucionaria, Editorial de Ciencias Sociales. La Habana, 1985. 357 p.

*M.S. Stepanov**

**THE SPECIFIC CHARACTER OF THE PERCEPTION OF DEATH IN THE
REVOLUTIONARY MARXIST CULTURES (WITH RUSSIAN AND LATIN
AMERICAN CULTURES TAKEN AS EXAMPLES)**

The changes of the conception of death while changing the traditional culture into a revolutionary one are investigated in the paper. It is affirmed that in the twentieth century these changes were determined by the Marxist philosophy. In the given period the death was perceived as the premise of social changes and is related with such concepts as «joy», «youth». The mentioned changes are typical for all revolutionary cultures, above all, for those of Russia and Latin America

Key words: death, concept, marxism, revolution, culture, changes.

* *Stepanov Maxim Sergeevich* (step83@rambler.ru), the Dept. of Roman Philology, Russian State University, Moscow, 111123, Russia.